

на русском направлении

Лев ДАНИЛКИН. "Юрий Гагарин". — М.: "Молодая гвардия" (Жизнь замечательных людей), 2011, 511 с.

"Гагарин — "такой простой на вид" — был невероятно сложным продуктом кооперации миллионов воль и миллионов знаний, которые таинственным образом вступили в творческое и производственное взаимодействие; его биография — это миллионы биографий, сложившихся в одно целое; узнав об обстоятельствах его жизни, мы сможем многое понять о свойствах и амбициях, мечтах и надеждах целого народа, который, в силу каких-то причин, на протяжении некоторого времени вёл себя в экономическом смысле иррационально, очевидно, в ущёрб своим имущественным интересам; который стремился не к адамсмитовскому "богатству", благосостоянию, а к тому, чтобы выполнить некую более значительную миссию — сыграть ключевую роль в мировой истории и решить задачу преодоления смерти…"

ЛЕГЕНДАРНАЯ СЕРИЯ "ЖЗЛ" к 50-летию первого полёта человека в космос пополнилась книгой, о которой начали спорить ещё до её выхода, и даже до публикации первых отрывков. Тем более четверть века назад в этой серии уже вышла канонически-советская работа Виктора Степанова. Казалось бы, что можно открыть сегодня, даже если за дело берётся Лев Данилкин, популярный и влиятельный литературный критик, обозреватель "Афиши", автор нашумевшей, но по-настоящему так и не прочитанной книги "Человек с яйцом" (Жизнь и мнения Александра Проханова)?

Как актуализировать Гагарина, который для подавляющего большинства принадлежит совсем иной эпохе (несмотря на то, что вполне мог быть нашим современником: 77 лет, да ещё при гагаринском-то здоровье, — далеко не критический возраст). В тексте возникают резонные оговорки, что не стоит экстраполировать сегодняшние координаты на жизнь и представления людей того времени.

Данилкин создал не только и не столько биографию, его книга — также анализ гагаринского мифа и дистилляция "идеи Гагарина".

В этом смысле это очень важная работа: иной подход в нынешней ситуации мало что добавит — это бетон, через который не пробьётся ни новая жизнь героя, ни его послание.

Почему "разоблачительная" биография Гагарина глобально невозможна, и в чём заключалась деятельность Гагарина-дипломата, почему нам не стоит переживать, что наш русский герой Юрий Гагарин не похож на аргентинца Че Гевару, или американца Джима Моррисона и что означают слова космонавта номер один: "В космос из ресторана не летают"?

Значительная часть книги Данилкина — коллаж из цитат. Некоторые главы состоят из них на 80-90%. Получилось нечто вроде радиоспектакля, где звучат, спорят, опровергают и дополняют друг друга голоса родных, друзей, коллег, наблюдателей. Но читается всё это очень увлекательно и цельно, ощущения бессмысленного гвалта не возникает.

Данилкин проделал серьёзную работу — даже краткая библиография вдвое больше, чем у Степанова. Здесь он не поил лебедей кофе и не сидел на планёрках. Он внимательно проинспектировал всевозможные источники, включая иноземные и малоизвестные. Так, Данилкин откопал увлекательные мемуары гагаринского одноклассника Леонида Толкалина, опубликованные в скромнотиражном журнале "Приокские зори". Училище и "читательская история", приземление и триумфальная поездка в Англию, история гагаринского шрама и "звёздное братство"...

Я, например, с удивлением узнал, что в отряде космонавтов популярная комедия Данелия "Тридцать три" читалась как злобная карикатура на космический прорыв и почести, которых были удостоены пионеры космоса.

"Гагарин" Степанова — это жизнь до полёта и сам полёт, от "мальчика из Клушина до "посланца землян". Данилкина в значительной степени интересует, что было после и как могла бы сложиться жизнь Гагарина, не случись катастрофы 27 марта 1968 года. Вплоть до аргументированных предположений о возможной политической карьере Гагарина.

Если биография вкупе с мифом осязаемы, открыты, то "идея Гагарина" звучит откровенным вызовом читателю. По Данилкину, она состоит "в возможности заниматься творчеством, в производстве новых знаний, в развитии, в духовной экспансии, в трансформации, в преодолении самих себя". В этом смысле пафос автора — не ретроспекция, не ностальгия, но поиск иной модели будущего.

"…каким ловким бы ни был Цукерберг (создатель социальной сети Facebook — **Д.Т.**), мечтать стать Цукербергом — гораздо пошлее, чем мечтать о том, чтобы стать Циолковским, Королёвым или Цандером. Что покорить социальную сеть и покорить космос — это разные по масштабу проблемы... Капитализм может быть очень комфортным, но, как ни крути, в качестве образа будущего он — самый пошлый из всех возможных; люди могут жить так, как им хочется, но они должны по крайней мере осознавать, что, теоретически, у них были и другие возможности. И вот "Гагарин" — проводник идей Циолковского и Королёва — и есть антидот от этой пошлости. Ничего не стоят ни ваши диеты, ни ваши гигабайты текстового и визуального хлама, хранящиеся на американских серверах, ни ваши супермаркеты, когда есть Марс, Венера, спутник Сатурна Титан и система альфа Центавра — космос: горы хлеба и бездны могущества. Вот что такое Гагарин..."

Даниил ТОРОПОВ

Противостояние "реформаторов" и нашего многострадального народа вступило в новую фазу. Ювенальная юстиция — это попытка разрушить российские семьи и лишить нас права воспитывать наших детей в соответствии с нашей культурой и религиозными традициями.

Об этой и о многих других проблемах мы беседуем с председателем Совета Сообщества многодетных и приемных детей России "Много деток — хорошо" Татьяной Михайловной БОРОВИКОВОЙ.

Татьяна БОРОВИКОВА:

«МНОГО ДЕТОК — ХОРОШО!»

"ЗАВТРА" Наверное, стоит начать с краткой неформальной автобиографической справки?

Татьяна БОРОВИКОВА. Я — многодетная мама, у меня четверо детей. Мои родители — научные работники, у нас в семье царил культ книги и образования. Поэтому я учусь почти всю сознательную жизнь. Закончила сперва МГИМО, потом — Академию стратегического управления при Правительстве. Уже потом училась в Свято-Тихвинском Православном Гуманитарном университете, получила духовное образование.

Так сложилось, что в течение долгого времени я была этакой бизнесвумен. У меня был всего один ребёнок, я занималась всё больше бизнесом, издавала журнал. Очень много работала за границей — в Швейцарии, в Бельгии, в Америке. Ещё когда у меня был один ребёнок, я старалась работать, делать карьеру, путешествовать, учиться. И вдруг, в какой-то момент, я поняла, что что-то очень важное упущено в жизни. И что очень хочется на самом деле семью, детей...

"ЗАВТРА". Вы тогда уже были воцерковлены?

Т.Б. Это всё приходило постепенно. С воцерковлением мне стало очевидно, что мы во многом ориентируемся на какие-то неестественные вещи, которые на самом деле не так важны для счастья.

Я крестилась уже более чем в сознательном возрасте — в 28 лет. Причём это не было такое вот рассудочное действо, я просто интуитивно понимала, что много уже видела всяких духовных практик, и храмов, и костёлов, и соборов, и Ватикан, и так далее, — но я понимала, что русская духовная культура — это то, чего нет выше в мире. Я уже тогда понимала, что если мне нужна будет вера, то это будет православная вера.

В 28 лет я крестилась, первому моему сыну было уже три года. К тому моменту мы расстались с первым мужем, и я была, можно сказать, в свободном полёте, высокооплачиваемый сотрудник. С точки зрения приземлённой, практической, у меня всё было хорошо.

Но спокойствия на душе не было, какого-то удовлетворения жизнью не было. И когда я покрестилась — первая исповедь, первые молитвы — я стала путешествовать со своими знакомыми, которые начали ездить в монастыри. Монастыри тогда только-только вернули, всё было чуть ли не в руинах. Это было что-то совершенно новое в жизни. Довелось побывать и в Дивеево, и в Новгороде, в Твери, в разных местах Росии, где совершенно не было никакой туристической инфраструктуры. Для меня это был, конечно, колоссальный опыт. Когда я выезжала за границу, неважно куда — в Швейцарию или Америку, мне всегда снимали пятизвёздочный отель. Этот сервис для меня был обыкновенным. А тут я приезжаю туда, где не было ничего подобного — но там была такая молитва, там была такая благодать. Там люди просто счастливы. И я тоже чувствовала себя счастливой.

Многие через скорби приходят к вере. Я пришла к вере через чудеса, через любовь. Так получилось, что Господь открывал мне какие-то невероятные вещи. Бывало, например, так: я обращалась к Ксении Блаженной, когда не могла какие-то вопросы решить сложные для меня. И получались вещи невероятные. Это целую книгу можно написать — такие случаи со мной происходили, которые специально даже и не придумаешь.

И, конечно, постепенно я воцерковилась. Для меня стало потребностью, например, что обязательно нужно ходить в воскресенье в храм. Что как мы тело моем, так же и душу надо чистить, тем более понятно, что если человек грех какой-то совершает, то потом следующий грех будет ещё хуже, ещё больше, — если он не кается, не ходит к причастию, всё это из себя не выметает. Происходит падение, чем дальше — тем больше, и нужно поэтому буквально за волосы себя вытаскивать.

Для меня это был очень сложный, болезненный, многолетний процесс, когда шло подобное очищение. И опять не обошлось без чудес. У меня машина однажды "встала" напротив Валаамского подворья, когда я ехала на службу — таким вот образом я попала в сестричество Казанской божьей матери при подворье Валаамского монастыря. Для меня, это было, можно так сказать, духовным университетом, поскольку это было практически монастырское послушание. И мы много делали таких социальных работ — и кормили бездомных, и поднимали хозяйство подсобное. Мне нужно было отмести весь свой "положительный" мирской социальный опыт и просто заниматься чёрной такой работой, и всё это с молитвой.

А потом я познакомилась с мужем, причём в глухой деревне. В своём окружении я девять лет была одна, только сын рядом был. Сыну было уже 12 лет, и я стала очень сильно молиться о том, чтобы Господь даровал мне семью, поскольку на тот момент я уже понимала, что это самое важное. И этого самого важного я ещё не сделала. Очень хотелось семью и родить ещё детей. Потому что женщина спасается деторождением. Для меня это стало очевидной истиной. И просто хотелось и любви, и реализации семейной. Я понимала, что деньги, карьера, путешествия, — это всё мишура. Это даже близко не может сравниться с той радостью, которую господь может дать через детей. Я ездила и к Ксении Блаженной, и к Иверской, молилась, — и Господь меня услышал.

Был праздник Рождества Богородицы, и мы поехали с сестричеством в деревню. Привезли туда крупу, сахар, чтобы организовать кормление стариков и брошенных детей, которые по деревням живут. Там я познакомилась с Сашей. У Саши был непростой жизненный путь, духовный опыт тоже. Когда мы познакомились, он, молодой мужик, жил в деревне, работал при храме, хотя у него тоже была раньше активная мирская жизнь, бизнес в Пскове. Тоже через чудеса пришёл к вере, большой у него уже опыт был. Поскольку он был в такой среде, где рядом, вокруг, совершалось много исцелений и подобных чудес, Саша воцерковился, и они постоянно молились, читали акафисты.

При этом я понимала, что у меня много знакомых мужчин, которые и богаты, и умны — но, как правило, они либо сильно блудят, либо у них вообще такие пороки, которые я не вынесу никогда. Поэтому я просила: Господи, дай мне такого мужа, чтобы он был православный. Чтобы он не считал, что я сумасшедшая, если в два часа ночи буду читать акафист Божьей матери.

Так вот и получилось: мы очень разные, и по уровню образования, и по социальному окружению, опыту и так далее, но тем не менее, всё так вот устроилось, нам на брак дал благословление отец Николай Гурьянов, старец. Трое детей у нас в этом браке родилось. Конечно в жизни всё по-разному бывает, и не без искушений, но — слава Богу за всё.

2010 год. Россия. Крестный ход.

"ЗАВТРА" После создания семьи и рождения деток вы перешли к идее Сообщества?

Т.Б. Надо сразу оговорить, что я не создавала Сообщества.

Для меня всё началось с того, что у меня родилась Ксения. До Ксюши я ещё не понимала, что я многодетная. А как она родилась, я подумала: вот, уже четверо детей, троё малышей, мы кажется, уже многодетные.

Я окунулась в Интернет, посмотреть, какие есть социальные программы, какие есть сообщества. Стала мониторить ситуацию в целом. Мне тогда ещё пришло в голову, что квартира всё-таки не резиновая, дети растут, всем нужен свой уголок. И я стала просто изыскивать возможности, и пришла в изумление. Когда в банке, где я работаю последние 12 лет советником, захотела взять ипотеку, то мне посчитали и сказали, что я, по стандартам АИЖК (Агентство по ипотечному жилищному кредитованию), не прохожу. То есть у нас четверо детей, и мы, двое работающих — не проходим. Мне стало интересно — а кто тогда проходит? На кого подобная ипотека рассчитана?

Тогда я стала искать социальные программы по строительству жилья для многодетных. Выяснилось, что ничего нет и в РФ не было никогда. Все социальные программы, которые были при Советской власти, они уже давно умерли, а новых не появилось.

Тогда в нашем храме и по знакомым я стала собирать подписи. Написала письмо в адрес правительства Москвы и в банке взяла бумагу, что банк готов построить дом или дома для многодетных семей как инвестор. Мысль была в чём — очень большую долю стоимости составляет стоимость земли. И мы просто просили город выделить землю бесплатно: тогда многодетные семьи могли бы продать свои квартиры на вторичном рынке и купить за эти деньги большую площадь в новостройке.

Строго говоря, от правительства Москвы нам требовалось только место под солнцем — построились бы мы сами. Проект был хороший — и юридически проработан, и экономически. Мы стали просить, но нас очень долго футболили, не отказывая напрямую, напрямую нельзя — мы же денег не просим, а все дети у нас московские и имеют право на эту землю. В конце концов, через полтора года нам удалось поговорить лично с Лужковым, буквально взять его за галстук и спросить: вам это проект интересен или нет?

Он сказал, что проект интересен, но инвестор им не нужен. И они из бюджета города профинансировали строительство, 40 тысяч квадратных метров социального жилья. Правда, селят туда кого попало. Ладно, молодые семьи и военные, но и мигрантов туда селят каких-то, вобщем, многодетным там почти ничего и не досталось.

Но благодаря этому проекту мы стали обрастать людьми, которые по формальным признакам многодетные, но никуда не попадают, ни в какие программы. Они не слишком бедные, чтобы просить социальное жильё, но и не настолько обеспеченные, что бы тянуть ипотеку.

А потом так получилось, что многие многодетные родители, уже перезнакомившись, продолжали общаться на сайте Многодеток.ру, который создал и поддерживал многодетный папа. У нас было такое очень тёплое сообщество, и волшебная фраза: "Много деток — хорошо", она появилась на этом сайте. И как бы это была "музыка и слова народные" — то есть никто специально ничего не создавал.

А поскольку нужно было куда-то ходить, писать, разговаривать с чиновниками по поводу каких-то ключевых для нас позиций: закона о многодетных, пенсий для многодетных мам, о каких-то наших проектах — получилось, что некоторые мамы были стеснительные, кто-то не умел, кто-то не хотел, я стала как бы "говорящей головой". И когда набралось со всей России где-то 400 семей, у нас уже пошли крупные мероприятия. Нас в администрацию Президента однажды на конференцию пригласили, туда многие приехали.

Потом мы инициировали какие-то форумы, "круглые столы". В Общественную палату, в Госдуму стали ходить. Как раз тогда обсуждался материнский капитал — и мы очень боялись, что нас перешагнут. То есть будут давать только тем, у кого второй ребёнок после принятия закона. А у меня в 2006 году родился четвёртый — и мне не дали, как боялись — так и вышло. Сказали: давайте сейчас примем, потом поправкой внесём... В итоге — ничего. Сейчас такая же ситуация с землёй, которую обещают давать при рождении третьего ребёнка.

Когда мы стали везде ходить, стали раздаваться голоса, что нам нужна организация. Я очень долго от этого отбивалась. Мы "прятались" под крышей других организаций — "фонд по демографии", "Православная семья"...

Я всем говорила: не надо нам никакой организации. Организация — это бюрократический аппарат, это свой офис, это зарплата. Я уже говорила — у меня много лет был свой бизнес. У меня было агентство по связям с общественностью, и я очень хорошо понимала, что человек, который владеет бизнесом, он сам себе не принадлежит совсем. Ему нужно думать о других людях, которые привыкли получать зарплату вовремя, работать в хорошем, отремонтированном помещении и прочее, и прочее.

В общем, я всех отговаривала. Но в конце концов, мучалась, мучалась, поехала к отцу Власию, рассказала ему про все свои сомнения. А надо сказать, что нас уже тогда позиционировали как Всероссийское сообщество, хотя ничего такого ещё не было. Даже организации не было. И так получилось, что я получила не только благословление старческое, но потом и благословление патриарха Алексия на создание всероссийского сообщества. Ещё так было сказано, что многодетные сейчас — это меч архистратига Михаила. Эти слова — такая гиперответственность, что я поняла, что деваться некуда, надо делать...

"ЗАВТРА" А сейчас сколько у вас уже отделений по России, если не секрет?

Т.Б. Вы знаете, это очень сложный вопрос. Потому что где-то отделение образуется и начинает активно работать, а некоторые отделения старые, которые, к примеру, четыре года назад образовались, просто перестают работать. Это всероссийская сетевая структура. У нас было 65 отделений, когда мы регистрировались, но они действуют совершенно неравномерно. У каждого свои программы — кому что интереснее. Есть, конечно, программы которые нас объединяют, — например тема защиты семьи, для нас это сейчас для всех очень больная заноза.

Сперва мы зарегистрировали региональное объединение. Уже потом решив все оргвопросы, мы собрали Всероссийский съезд. На самом деле всё это очень большими трудами далось. Я, когда готовился съезд, за два месяца похудела на 15 килограмм безо всяких диет.

Потом уже пошли такие программы, которые были для людей очень важны.

Мы никого не тащили за уши, потому что понятно: если человек занят своей семьёй, например, у него — семеро детей, то такого человека невозможно обязать заниматься какой-то общественной работой.

И я всё время делала и делаю акцент на том, что наш приоритет — это духовно-нравственная тема. Не желудок, но душа.

"ЗАВТРА" Подобное движение — это немалая сила. Симптоматично, что в последнее время очень многие подобные самодеятельные организации так или иначе приходят к тезису о национальной катастрофе — мы вымирающий народ. Чаще всего подобное прозрение может закончиться минимум недопониманием с властью.

Т.Б. Мы испытали это на своей шкуре. С самого начала с нами пытались заигрывать, и иногда нам даже казалось, что нас услышали.

Вот, например, меня пригласили в Кремль, там я два с половиной часа разговаривала с Путиным. Я ему рассказала вообще все наши идеи — и про детские деревни, и про то, что страшная ситуация с абортами, и про то, что в женских консультациях первое, что предлагают нам, когда мы туда приходим с четвёртой или пятой беременностью, — это справку на аборт. Я ему очень много рассказала реальной информации.

Мы вот предлагали сделать Год семьи. То есть, сперва речь шла о Дне многодетной семьи, но на форуме одна из наших мам воскликнула: "Нам дня мало, нам надо Год многодетной семьи".

Я рассказала об этом Путину. Он подумал и ответил, что Год многодетной семьи — это узкая тема, а Год семьи — эта идея ему нравиться.

И он это сделал президентской инициативой.

Но к чему это привело?

Это привело к примитивному "распилу" 36 миллиардов бюджетных рублей.

Многодетные семьи от этой инициативы фактически ничего не получили. Никакой социальной инфраструктуры, как это требуется сделать: служб сопровождения семьи, центров поддержки семьи, хотя бы системы экстренной помощи, сделано не было, зато были чествования матерей, телевизионные славословия и даже выставки собак по эгидой Года семьи.

А ведь мы знали уже совершенно чётко, что нам, многодетным, и не только, надо. Мы уже несколько лет во всём этом крутились, встречались со всеми чиновниками, экспертами и прочее. Мы прошли всех.

Мы отлично знаем, что сейчас происходит, и видим, что нужны очень серьёзные изменения социальной инфраструктуры для защиты семьи как основного института общества. И у нас были конкретные предложения. Но нас не услышали или не хотят слышать.

"ЗАВТРА" Можно сказать, что вместо этого поддержки семьи мы получили ювенальную юстицию в самом диком виде?

Т.Б. Да, вместо защиты семьи государство решило почему-то "защищать" детей. Тут как раз был такой пограничный момент — мы делали "круглый стол" с Медведевым. Нас там было человек двадцать многодетных мам из разных регионов, совершенно разные женщины.

Медведев нам тогда сначала сказал, почти дословно: "Вы даже не знаете своей силы, такая организация, как ваша, она может всё. Вы можете устроить шум в прессе, можете нанять адвокатов, можете победить любого чиновника".

Однако лично я очень не люблю лукавства. И сравнивая встречи с Путиным и Медведевым, я вижу, что Путин пытался нас понять, он честно конспектировал в блокнотик то, что он не знал. Он слушал, потом был Совет по реализации национальных проектов, Путин там стучал кулаком: "Почему многодетные мамы говорят мне о том, что у нас жильё строят для одиноких богатых холостяков с фантазиями? Где жильё для семей?" Он хотя бы честно повторил услышанное.

Встреча с Медведевым оставила впечатление, как от детской загадки: "Да и нет не говорите, чёрный с белым не берите". Ничего конкретного.

Однако чуть ли не через неделю после встречи возникает инициатива Медведева о создании фонда поддержки детей в трудной ситуации. Причём выделяются немалые деньги. Мы сперва обрадовались, а потом стало ясно, что эти деньги пойдут на создание инфраструктуры ювенальной юстиции, то есть не на поддержку, а на разрушение семей.

Мы потом поняли, что в отношении нас был сделан совершено иезуитский ход — когда в нашей среде пошла волна изьятий. Органы опеки вдруг стали настойчиво искать среди наших семей факты насилия над ребёнком, пытались изымать детей. Начался такой прессинг по всей стране.

Например, ко многим из наших матерей приходили из органов опеки и предлагали забрать ребёнка в специализированное учреждение, мотивируя это тем, что, дескать, трудно воспитывать такую ораву.

Одной из наших мам пытались навязать отказ от ребёнка хитростью: мол, вы просто отправите ребёнка отдохнуть в летний лагерь, только подпишите здесь и здесь.

И таких случаев всё больше и больше. А ведь есть ещё примеры удавшихся изьятий детей из семьи.

Об этом вообще рассказывать горько и страшно.

Применительно к внедрению в России ювенальной юстиции понятно, что это совершенно чуждый дух. Это совершенно чуждая идеология, направленная на разрушение семьи через ребёнка.

У нас всегда говорили в семье: "Доносчику первый кнут". Нажаловаться кому-то постороннему на родителей — это было немыслимо. А сейчас суверенитет семьи, презумпция невиновности — нарушаются извне, и это может привести только к разрушению семьи. Все социальные сферы — школа, поликлиника и так далее, сейчас изначально ориентируют на то, что семья обязательно должна творить насилие над ребёнком.

Детям просто навязывается доносительство и мысль о насилии в семье. Утверждается, что таким образом проявляется забота о физическом, психическом и моральном здоровье ребёнка.

При этом под насилием может пониматься что угодно — поскольку термин допускает расширительное толкование. Я сама видела анкету для школы, в которой был такой вопрос: "Расскажи. какой вид насилия в твоей семье наиболее употребимый — психологический, физический, экономический или сексуальный? "

Те, кто проталкивает в России ювенальную юстцию, пытаются уничтожить последнюю скрепу, последнюю заповедь, которую у нас ещё не нарушают массово: "Почитай отца своего и мать свою". Они пытаются одновременно уничтожить семью и создать целое поколение моральных уродов, "иванов, родства не помнящих", атомизированную биомассу, армию антихриста.

"ЗАВТРА" Однако результаты могут быть совершенно неожиданными — падение уровня образования в России привело только к радикализации настроений молодёжи, ибо простые идеи усваиваются легче.

Т.Б. Даже если оставить в стороне предсказанную Иоаном Богословом "печать на челе", нет никакого сомнения в том, что нас всех, скопом, в очередной раз пытаются загнать в электронный концлагерь.

Очередной шаг к тотальному контролю — это введение Универсальной электронной карты, на которой будут записаны все сведения о человеке, включая биометрические и медицинские данные, и которая одновременно будет являться электронным кошельком.

Нет сомнения, что при современном уровне компьютеризации это озночает тотальный контроль за любым человеком на всём мировом пространстве, — не только в РФ. Планируемая обязательность использования УЭК каждым гражданином не оставляет места иллюзиям — посчитают всех.

Мы находимся сейчас в состоянии духовной войны за будущее нашего народа и наших детей

"ЗАВТРА" Спасибо за беседу.

Материал подготовил Сергей ЗАГАТИН